УДК 341.24

Сергей РОГИНКО

В ЦЕНТРЕ МИРОВОЙ ДИСКУССИИ: ПРОБЛЕМЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Аннотация. В статье проанализированы тенденции в мировой климатической повестке, описан генезис и степень релевантности реальной климатической проблематике. Автор исследует закономерности перехода в глобальных приоритетах от реальной экологической проблематики к акценту на виртуальные угрозы, которые носят гипотетический характер, но сформулированы в виде категорических императивов. Выявлен общий функционал климатической повестки с точки зрения интересов ведущих мировых держав. Проведён анализ политического, экономического и социального потенциала вопросов изменения климата, основных бенефициаров и исполнителей и способов внедрения в мировое сообщество. Предложена характеристика экономических мотивов и базовых финансовых схем, обеспечивающих заинтересованность мировых игроков в продвижении климатической тематики. Особое внимание автор отводит рискам для национальных суверенитетов и методам их размывания на глобальном уровне, в том числе Парижским соглашением ООН по климату. Обобщена оценка глобальных климатических конструкций в свете утверждённой Президентом РФ Доктрины энергетической безопасности РФ.

Ключевые слова: Парижское соглашение ООН по климату, Рамочная Конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, Доктрина энергетической безопасности, топливно-энергетический комплекс, углеродный бюджет, глобальное потепление, альтернативная энергетика, сокращение выбросов парниковых газов, углеродный налог, неправительственные организации (НПО).

В свете последних месяцев, связанной с дискуссией вокруг Парижского соглашения ООН по климату, незамеченным прошёл весьма примечательный юбилей: 15-летие “климатического прогноза Пентагона”, наделавшего в своё время немало шума в глобальном климатическом сообществе. Доклад под грифом “секретно”, удивительным образом просочившийся в прессу, повествовал о страшных бедствиях, которые к 2020 г. принесёт планете и человечеству изменение климата. Прогнозировалось, что крупнейшие города Европы погрузятся под воду, в Британии будут царить сибирские морозы, разразятся ядерные войны, мегазасухи и всеобщий голод.

© **Рогинко Сергей Анатольевич** – кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН, профессор Финансового Университета при Правительстве РФ. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **Email:** roginko@bk.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019127137>

Документ предсказывал, что в результате климатических изменений Земля будет охвачена мятежами, на ней воцарится анархия, начнутся военные конфликты между странами, пытающимися защитить свои водные, продовольственные и энергетические ресурсы. Масштабы терроризма возрастут, превратив его в настоящую угрозу глобальной стабильности. [Townsend M. and Harris P., 2004].

С момента разработки прогноза прошло 15 лет, и вот уже наступил 2020 г., и ядовитые комментарии, появившиеся в западной прессе по поводу этого доклада, иллюстрируют главную проблему всех краткосрочных и среднесрочных прогнозов, а именно: их можно проверить. В отличие, например, от климатических моделей, прогнозирующих катастрофы к 2100 году – их выводы вряд ли удастся проверить практически кому-то из ныне живущих взрослых.

Климат как прикрытие

Тем не менее не стоит присоединяться к сетевым комментариям, полностью отрицающим ценность предсказаний Пентагона: кое-что из описанного в докладе всё-таки сбылось. Масштабы терроризма действительно возросли, а мятежи (т.е. цветные революции) превратились в настоящую угрозу глобальной стабильности. Только вызваны они не изменениями климата: уже давно не секрет причастность к ним и Пентагона и ЦРУ, кстати, тоже поучаствовавшего в написании секретного доклада. Поэтому в свете прошедших лет выявляется новая функция климатического алармизма – функция прикрытия. Цель понятна: списать терроризм и управляемый хаос на климатический фактор, отводя внимание от реальных спонсоров и организаторов этих процессов. Настораживает факт странной (а главное, безнаказанной) утечки секретного доклада не на анонимные веб-ресурсы, а в редакцию старейшей британской воскресной газеты *The Observer*.

Очевидно одно: климатическая тема становится разменной монетой в большой политике; “прикрывающая” идея Пентагона наверняка получит продолжение в виде новых акций, озвучиваемых в той же логике. Развитие этой темы интересно: аналитики получают своеобразный “маркер”, тестовый инструмент для отслеживания интересов силовых ведомств США, который даёт основание с особым пристрастием изучать любой феномен или тренд, списываемый западными экспертами на глобальное потепление.

Впрочем, роль климатической проблематики в большой политике, конечно же, не исчерпывается тактической функцией прикрытия операций и программ Пентагона и ЦРУ. О её стратегических задачах следует поговорить подробнее.

Эпоха виртуальных угроз

Последние 25–30 лет знаменательны, помимо всего прочего, полной трансформацией понимания мировым сообществом экологических угроз. В 1970–1980-х гг. экология стала частью мировой политики под давлением очевидных для всех странсиюминутных угроз и кризисных явлений, разрушающих биосферу планеты. Мировому сообществу не требовалось никаких доказательств для понимания таких явлений, как отравление рек, разлитие нефти в прибрежных водах, кислотные до-

жди, радиоактивные осадки и т.д. Бесспорное наличие проблем (равно как и очевидная потребность в коллективных действиях человечества по их решению) породило общий консенсус, выразившийся в создании целого ряда глобальных концепций, правовых конструкций и организационных структур, обслуживающих общую заявленную потребность в противостоянии экологическим вызовам.

Этот этап (условно именуемый этапом реальных угроз) концептуально отразился в понятиях экологической безопасности и устойчивого развития, обозначающих желаемое состояние биосферы планеты и изменение типа социально-экономического развития, необходимого для этого состояния. Организационно он выразился в появлении глобальных (ЮНЕП, Всемирный Совет ООН по Устойчивому Развитию) и региональных структур, ведущих разработку и координацию действий стран по решению общих экологических проблем. Поскольку проблемы отождествлялись с реальными угрозами, существовала возможность точной количественной оценки как самих угроз, так и мер по их предотвращению и/или ликвидации. Это создавало базу для адекватного восприятия любых действий каждой страны и мирового сообщества в целом в отношении подобных угроз и во многом исключало применение в этой сфере политики двойных стандартов и произвольных трактовок.

Однако с середины 1980-х гг. ситуация в этой области стала меняться. Постепенно, наряду с угрозами, верифицируемыми классическими методами точных наук, стали появляться вызовы нового типа, точной верификации не поддающиеся. Уровень их актуальности воспринимается с большой степенью произвольности, которая зависит от конкретных экспертных оценок и во многом исключает объективные критерии. Внедрение подобных вызовов (условно именуемых виртуальными) в мировое общественное сознание происходило и происходит с массовым использованием PR-технологий. Первой угрозой подобного типа стала т.н. “озоновая дыра” над Антарктикой, позже признанная в качестве глобальной проблемы истощения озонового слоя. Никем не оспариваемое однозначное решение было таким: переход мировой холодильной промышленности на заменители фреона (разработанные незадолго до “раскрутки” данной проблемы фирмой *Dupont*). Отдельные замечания скептиков по поводу недостаточной изученности проблемы и снижения коэффициента полезного действия холодильников в результате перехода с фреона на заменители не были приняты во внимание. В какие-нибудь несколько лет с появления первых публикаций про “озоновую дыру” был разработан и принят Монреальский протокол, приведший к разрушению криогенной отрасли в ряде стран (включая Россию) и к зависимости этих стран от поставок хладагента из США.

Очень характерным после принятия Монреальского протокола стал резкий спад интереса в СМИ к проблеме озонового слоя (что косвенно доказывает заказной характер темы). Впрочем, этот первый феномен виртуальной экологической угрозы требует подробного освещения в отдельной статье. Предметом же нашей работы является ещё одна угроза виртуального типа – глобальное потепление.

Как и озоновая проблема, проблема глобального потепления была внедрена в мировое сознание с поразительной быстротой. Не выходявшая в 80-х годах за пределы научных дискуссий гипотеза глобального потепления, прежде всего, в силу антропогенных факторов, была впервые упомянута в числе глобальных угроз в Докладе Римского клуба, вышедшем в 1990 г. Всего через 2 года после этого на Гло-

бальном саммите ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро мировым сообществом принимается Рамочная Конвенция ООН об изменении климата, давшая этой гипотезе глобальное признание.

Потепление: тренды и причины

Собственно, если бы не роль антропогенного фактора (ключевого, в общепринятом понимании) климатическая повестка никогда не вышла бы в лидеры приоритетов мировой политики. Её ждала бы рутинная судьба международных экологических соглашений, которых насчитывается более 500 и о которых, по большому счёту, не знает никто, кроме узкого круга экспертов и исполнителей.

Учёные сознают, что циклы потепления и похолодания на нашей планете регулируются процессами и силами, природу которых ещё предстоит изучить. Но соблазн антропогенной гипотезы слишком велик: создаётся теоретическая возможность поставить вне закона все основные виды человеческой деятельности, так или иначе связанные с выбросами парниковых газов – производство и потребление энергии, промышленность, транспорт, домашнее хозяйство и т.д. Такая постановка вопроса, в свою очередь, даёт основание ввести различные виды контроля и регулирования всей жизни человечества, которые могут быть сформированы под разные задачи и с учётом различных страновых интересов. Политический ресурс проблемы очевиден.

Кривые зеркала прогнозов

Для обоснования антропогенной природы потепления используется такой инструментарий, как климатические модели, экстраполирующие существующие тренды повышения температуры и основанные на прямой привязке объёмов выбрасываемых человечеством парниковых газов к показателям температуры на Земле. Во многом подобный подход доминировал и доминирует в позиции основанной в 1988 году МГЭИК – Межправительственной группы экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change – IPCC). Официальной эгидой этой группы стали Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Всемирная метеорологическая организация (ВМО). Инициатором создания Группы выступили США, её мандат – исследование связи между антропогенными выбросами парниковых газов и глобальным потеплением. Что, собственно, и определяет весь контент докладов этой группы: это квалифицированно подобранная статистика по выбросам парниковых газов, материалы по путям их сокращения, прогнозы их неизбежного роста и, как следствие, – потепления на Земле.

Каждый доклад МГЭИК давал всё более апокалиптическую картину глобальных катастроф, связанных с изменением климата, и всё большие показатели корреляции между антропогенной деятельностью и глобальным потеплением. Всё это сопровождалось гигантской глобальной PR-кампанией с использованием как традиционных, так и сетевых СМИ. Такое колоссальное информационное давление оттеснило любой серьёзный дискурс на тему потепления не просто на второй план – такой дискурс стал практически невозможен. Окончательно надежда на се-

рьёзное научное обсуждение темы, казалось, была похоронена с присуждением в 2007 году МГЭИК Нобелевской премии мира.

Однако вспыхнувший в 2009 году скандал, получивший название “Климатгейт”, поставил квалификацию и добросовестность МГЭИК под сомнение. Переписка руководящих экспертов, скопированная неизвестными хакерами, подтвердила, что в их работе доминируют тенденциозный алармистский подход, игнорирование фактических данных и открытое желание манипулировать мнением мирового сообщества. Открылось, что эти эксперты:

- подтасовывали данные и намеренно искажали содержание баз первичных данных о температуре в разных точках земного шара, полученных от сети метеорологических станций;

- произвольно (для “подгонки” задачи под заранее намеченный ответ) подбирали корректирующие коэффициенты, используемые для моделирования температурных процессов на планете;

- замалчивали реальные данные по температурным процессам на Земле, отказывали в их предоставлении независимым исследователям;

- огульно травили представителей альтернативных научных школ, блокировали их попытки представить результаты своих исследований в научной периодике.

В целом картина оказалась весьма неприглядной; наружу выплыло нежелание “мейнстрима” анализировать проблему во всей её сложности. Приняв гипотезу об антропогенном потеплении, специалисты МГЭИК, как становится ясно из их переписки, вообще не собирались заниматься исследованиями в привычном смысле слова. Вся их деятельность свелась к подгонке расчётов под заранее известный ответ.

Впрочем, после некоторого замешательства, вызванного “климатгейтом”, МГЭИК занялась привычным делом, всё дальше уходя в своих прогнозах от скучной реальности. Это подтвердили расчёты по глобальному углеродному бюджету, опубликованные в 2014 году в 5-м Оценочном докладе. В документе с вероятностью в 66% предсказано сохранение глобальной температуры в пределах плюс 2°C по отношению к доиндустриальному уровню в случае выброса не более 1 трлн тонн CO₂ в атмосферу до конца нынешнего века. Стоит отметить, что именно такой показатель сохранения глобальной температуры стал основной целью принятого впоследствии Парижского соглашения. При этом в докладе МГЭИК отмечалось, что по состоянию на 2011 год из этого объёма 531 млрд тонн уже использован. Соответственно, глобальный “бюджет” выбросов был ограничен на уровне 469 млрд тонн [Höhne N., den Elzen M., Admiraal A., 2015].

Произведя несложный подсчёт, можно определить, что если из оставшегося объёма вычесть глобальные выбросы за 2012–2018 годы (примерно 280 млрд тонн), то “бюджет” сократится более чем вдвое – до 189 млрд тонн. А если учесть результаты некоторых исследований, оценивающих вклад таких короткоживущих веществ, как закись азота и сажа, то общий начальный объём “углеродного бюджета” с 1 трлн тонн CO₂ сокращается до 800 млрд тонн. Можно констатировать, что по этому бюджету человечество вышло “в ноль” ещё в 2018 году – последние лимиты на выбросы были “выбраны” де-факто в 3-м квартале прошлого года. Если строго следовать логике экспертов МГЭИК, то резервных квот на выбросы у человечества

не осталось, и потребление нефти, газа и угля надо было полностью прекращать ещё в прошлом году.

Понимая, что абсурдные требования прекратить использование углеводородов “ещё вчера” обнуляют также и ценность расчётов МГЭИК как инструмента политического влияния. Группа начала маневрировать, пытаясь так или иначе отсрочить возможную дату отказа от органического топлива или, более того, сделать её предметом торга. В частности, в упомянутом 5-м докладе уже содержится некоторая страховка в виде собственной оценки вклада короткоживущих веществ; это позволило авторам увеличить “углеродный бюджет” для человечества, продлив срок его исчерпания аж до конца 2020 г. [Höhne N., den Elzen M., Admiraal A., 2015].

Впрочем, сообразив, что и такая коррекция не уберезет их от законных сомнений со стороны мирового сообщества в самое ближайшее время, эксперты МГЭИК продолжили манипуляции с цифрами “углеродного бюджета”. Последний трюк такого рода отчётливо прослеживается в новых данных в специальном докладе (SR-15), вышедшем в октябре 2018 года и посвящённом вопросам перевода Парижского соглашения с цели обеспечения глобального температурного лимита в 2°C на более жёсткую цель лимита в 1,5°C относительно доиндустриального периода. В нём, в частности, говорится о 66%-ной вероятности обеспечения этого лимита при бюджете в 420 млрд тонн и 50%-ной вероятности – при бюджете в 580 млрд тонн начиная с 2018 г., что соответствует 10 и 14 годовым объёмам глобальных выбросов на сегодняшний день [Hausfather Z., 2018]. Фактически планка “бюджета” была смещена и отраслям ТЭК был любезно подарен срок жизни до 2028–2032 годов. Нелзя сказать, что компании ТЭК вздохнули с облегчением, узнав об этом. Скорее, это могут сделать прогнозисты из МГЭИК, избавившие себя ещё лет на 10–15 от неприятных вопросов по поводу качества своих прогнозов.

Что же заставляет ведущих климатологов скрывать первичные данные, манипулировать цифрами и пугать катастрофами? Какие тайны скрываются за подчищенными графиками и отрихтованными задним числом моделями?

Заказчики и бенефициары

Ответ на этот вопрос лежит в самой глобальной климатической повестке, подоплёка которой сложна и имеет не один уровень. Начнём с простого – с мотивации “экопрома”, комплекса отраслей и производств, обеспечивающих снижение выбросов парниковых газов, включая выпуск и продвижение новых образцов энергоэффективного оборудования, сектор альтернативной энергетики и т.д. Экопром – первая и самая заметная часть “зелёного лобби”, глобальный оборот которого, по имеющимся данным, превышает 4 трлн долл. [Осипов И., 2019]. Привлекательность этого сектора существенно выше обычного бизнеса, поскольку его развитие поддерживается гигантскими государственными субсидиями. Производители возобновляемой энергии работают под полной государственной защитой от любых рисков, свойственных рыночной экономике: их энергии гарантируется 100%-ный сбыт по фиксированной (повышенной) цене. На субсидии только этого вида деятельности в Германии тратится порядка 28 млрд евро в год; схожими по размерам являются и субсидии на альтернативную энергетику в США [Hui L., 2018].

Следующий уровень – финансовые инструменты и оборот торговли сокращениями выбросов и базирующимися на них деривативами. Наиболее известным из этого сегмента экономической активности является т.н. “зелёное финансирование”, ставшее в последнее время абсолютным мейнстримом для глобальных финансовых институтов. В частности, только выпуск “зелёных бондов” оценивается на уровне 167 млрд долл. в 2018 году, с прогнозом до 200 млрд долл. по итогам 2019 года. [Evans S., 2019]. Рост впечатляющий, особенно если учесть, что ещё в 2012 году их выпуск не превышал 2 млрд долл. Не меньшим соблазном является торговля сокращениями выбросов и базирующимися на них деривативами: её объём в 2018 году составил 164 млрд долл. Похоже, что на этих объёмах аппетиты финансистов только разыгрались: по прогнозу ОЭСР, потребность в “зелёных инвестициях” будет расти по экспоненте, достигая уровня 4,3 трлн долл. в год, который, по мнению этой организации, необходим для удержания глобальной температуры в пределах, определённых Парижским соглашением [De la Gorce N., Petkov M., 2019].

Отдельную тему представляет такой прибыльный вопрос, как сбор углеродного налога, усиленно продвигаемый в последние годы Всемирным банком. Презентуемый в качестве инструмента помощи для реализации климатических проектов в развивающихся странах, этот налог справедливо оценивается многими экспертами как излишняя финансовая нагрузка на страны с высокой карбоноёмкостью национального продукта и как инструмент генерации несправедливой форы для убыточных проектов альтернативной энергетики, дискриминирующий энергетику традиционную. Тем не менее для самого банка с его уставным капиталом в 17 млрд долл. сбор глобального углеродного налога и роль оператора по реализуемым на собранные средства проектам может стать лучшей сделкой за всё время его существования. Даже по самым умеренным ставкам в 20 долл. за 1 тонну CO₂-эквивалента размер глобально собираемых средств может составить 80 млрд долл. в год, а прибыль по нормам оператора проектов ООН – от 8 до 10 млрд долл. (т.е. прибыль на уставной капитал 48-58% годовых). И этот уровень, вообще-то совсем нетипичный для института глобального развития, – далеко не предел. Например, известным экономистом, нобелевским лауреатом 2001 года (и по совместительству бывшим главным экономистом Всемирного банка) Джозефом Стиглицем предлагается ставка углеродного налога в 50–100 долл. за 1 тонну CO₂-эквивалента [Ивантер А., Кудияров С., 2017]. Ещё более высокую ставку углеродного налога предложила МГЭИК на Конференции ООН по климату в Катовице в 2018 году: по оценкам Группы, правительствам необходимо будет ввести эффективные цены на углерод от 135 до 5500 долл. за тонну выбросов углекислого газа к 2030 г., чтобы общее глобальное потепление было ниже 1,5 градусов по Цельсию [Plumer B., 2018]. Существующий объём глобальных выбросов должен облагаться налогом в размере 5,4–220 трлн долл. в год.

Исполнители и фарс-фигуры

Перспектива таких колоссальных доходов вполне достаточна для объяснения того беспрецедентного напора, которому подвергается мировой социум и политика: достаточно просто оценить цифры в самом первом приближении, чтобы по-

нять, что игра стоит свеч. Поэтому игроки постоянно повышают ставки, переходя к уже совсем карикатурным формам воздействия на общество, подменяя научный дискурс детскими флешмобами, появлением малолетних сетевых персонажей, бравирующих своим невежеством и пытающихся поучать мировую политическую элиту. Некоторые представители западной элиты подыгрывают им, что является лучшим свидетельством их прямой заинтересованности в продвижении антропогенной гипотезы глобального потепления под видом климатической повестки.

Впрочем, функционал “климатического похода детей” далеко не исчерпывается прикрытием бенефициаров климатической повестки, прячущих свою научную несостоятельность и финансовые интересы за детскими демаршами. У климатической повестки есть и геополитический компонент – это перестройка глобального миропорядка под климатические приоритеты, понимаемые весьма своеобразно: сворачивание энергетических проектов с использованием ископаемого топлива.

Идея пятничных детских забастовок исходила от шведской организации *Fossilfritt Dalsland*, выступающей за отказ от органического топлива. Основной нарратив продвигаемого этими активистами мирового энергетического порядка: “Топливо должно остаться в земле”. Иными словами, речь идёт о том, что разведанные запасы минерального топлива не подлежат разработке как минимум частично, не говоря уже о разведке новых запасов, которая вообще представляется бесполезным делом. Бенефициарами подхода под этим лозунгом выступают, прежде всего, страны – потребители энергоресурсов, заинтересованные в снижении зависимости от внешних поставок энергоносителей. Проигравшими становятся страны-производители, для которых реализация лозунга означает сокращение доходов от экспорта энергоносителей, замедление экономического роста со всеми соответствующими последствиями для внутренней социальной ситуации.

В этом смысле климатическую повестку можно рассматривать как долгосрочный ответ стран-потребителей энергоресурсов на кризисы нефтяных цен и поставок 1970-х годов. Страх перед “нефтяным шантажом” со стороны стран ОПЕК глубоко укоренился в западном менталитете. Достаточно вспомнить 1979 году, когда президент США Джимми Картер установил на крыше Белого дома солнечные батареи (в 1981 году их демонтировали по распоряжению Рональда Рейгана). В глазах бенефициаров “энергетического перелома” итогом его представляется перекройка глобального геополитического баланса в свою пользу, с заметным снижением роли стран – поставщиков энергоресурсов.

Реагируя на экзистенциальные страхи, элита западных стран использует климатическую повестку в качестве квазирелигии для западного общества, нуждающегося во внешней угрозе, без которой, как показали годы существования в отсутствие такой виртуальной угрозы, как советская, консолидация этого общества невозможна. Указанная повестка доказала свою полную пригодность на роль квазирелигии для малообразованных масс, особенно для невежественной молодежи пубертатного возраста, легко управляемой при помощи сетевых технологий. В квазирелигии уже прослеживается формирование ритуала, символов веры, акций по “борьбе с неверными”. Не задержится дело и с потенциальными мучениками за веру, которая во все времена создавалась на пролитой крови: не зря так акцентируются в мировых СМИ угрозы расправы над молодой шведкой, выбранной спонсорами бенефициарами из экологических НПО на роль инициатора *Fridays for Climate* –

глобальной кампании пятничных школьных прогулов “в защиту климата”. Акция *Fridays for Climate* и *World Climate Strike* затронула и Россию, по которой от Москвы до Владивостока прокатились демонстрации молодёжи, что делает её потенциальным инструментом расшатывания политической стабильности с помощью “климатического актива” и профильных НПО путём формирования массового протеста с использованием сетевых технологий.

Глобальные НПО и национальные суверенитеты

Участие экологических НПО в подобных акциях связано с границами национального суверенитета, понимаемых ими по-своему. Основания для этого подхода были заложены давно: ещё в документах Глобального саммита ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.) целый раздел был посвящён новому игроку на поле глобального развития – неправительственным экологическим организациям. С тех пор эко-НПО в обязательном порядке “пристёгиваются” к любым консультациям по экологии и развитию, недооценка их роли подаётся чуть ли не как признак бескультуры.

Климатическая повестка и Парижское соглашение дали новый импульс “зелёным” НПО: они бойкотируют бензоколонки отдельных фирм (например, *Texasco* и *Exxon*), устраивают провокации против российских нефтяных и газовых проектов, игнорируя экологический ущерб от аналогичных проектов в Польше, Дании, Норвегии и некоторых других странах.

На Глобальном саммите ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002 год) НПО получили своеобразный подарок – им поручено стать неким арбитром первой инстанции в вопросах хорошего управления (“good governance”) с правом судить о том, хорошо или плохо ведёт дела руководство той или иной страны. Сам принцип “хорошего управления” (good governance), зафиксированный в документах Йоханнесбургского саммита, можно с полным основанием назвать “бомбой”, заложенной под суверенитет стран. “Хорошее управление” – понятие в международном политическом лексиконе, внедрённое в него с поразительной легкостью – практически без возражений. Оно получило высшую – ооновскую – легитимность, и теперь в каждой стране считается необходимым условием устойчивого развития (и, естественно, получения этой страной западной помощи в целях развития). Госдепартамент США не преминул разъяснить, что “good governance” – это, прежде всего, приверженность свободному рынку и демократии. Если Госдеп поленился бы это сделать, сомнений в авторстве этого термина не возникло бы ни у кого.

Никому не пришло в голову заявить, что сама постановка вопроса о разделении правительств на “хорошо” и “плохо” управляющих собственными странами в принципе некорректна для системы ООН. Такая формулировка несовместима ни с государственным суверенитетом стран, ни с Уставом ООН как сообщества этих суверенных государств, которые являются полноправными членами организации вне зависимости от общественного строя и формы правления. Тем не менее она очень удобна для США, которым вовсе не требуется полный демонтаж ООН. Гораздо практичнее превратить её в декоративную структуру, выставяющую под заказ оценки национальным правительствам по привычной американскому менталитету двухбальной шкале.

Как эта идея оценки национальных правительств будет реализовываться в рамках климатической повестки, можно проследить по итогам Конференции ООН по климату в Катовице (2018 год). Предметом ее переговоров стал вопрос об источниках информации, поставляемой для оценки усилий стран в области сокращения выбросов и других их действий в рамках Парижского соглашения. Собственно говоря, вопрос возник только в 2018 г., поскольку до этого считалось, что отчетность по Парижскому соглашению как документу системы ООН может существовать только одного вида: официальная, национальная, предоставляемая суверенными государствами. Но на переговорах в Катовице произошло полное нарушение статуса Соглашения как межгосударственной конструкции и введены в качестве равноправных участников процесса неправительственные организации (НПО) [Decision FCCC/CP/2018/L.16]. При этом отныне имеют равный статус как официальная информация сторон, так и данные, представленные НПО, что гарантирует России постоянный поток завышенных данных от НПО о выбросах во всех секторах экономики и обвинений в отказе от активной климатической политики.

Все эти моменты представляют серьезную проблему для топливно-энергетического комплекса РФ, и в этом отдают отчет в Москве. 13 мая 2019 года Президентом России В.В. Путиным утверждена Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, в которой обращается особое внимание на угрозы, связанные с участием России в международных климатических конструкциях. В Доктрине отмечается, что эти конструкции могут стать предлогом для дискриминации российского топливно-энергетического комплекса на международных рынках. В качестве рисков, возникающих для Москвы в этой связи, упоминаются: недостаточные темпы реагирования на угрозы и недостаточная готовность механизмов противодействия дискриминации [Доктрина энергетической безопасности РФ, 2019].

Какие же именно международные климатические конструкции имеются в виду в Доктрине? Таковых на сегодня всего три: Рамочная Конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН [Рамочная Конвенция, 1992]), Киотский протокол и Парижское соглашение. Угрозы, однако, не прописаны ни в Рамочной Конвенции, ни в Киотском протоколе, из режима обязательств по которому Россия вышла в 2012 г. и срок действия которого в 2020 г. истекает.

Список литературы

Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 219 от 13.05.2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60516> (дата обращения: 2 октября 2019).

Ивантер А., Кудияров С. (2017) Сказки парижского леса, *Эксперт*, №26 (1035) 26.06.2017, стр. 28–32 URL: <http://expert.ru/expert/2017/26/skazki-parizhskogo-lesa/> (дата обращения: 2 октября 2019).

Осипов И. Зелёный – новый черный. Почему борьба с мусором стала глобальным трендом. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5d6676f69a79474cfe0203d7> (дата обращения: 2 октября 2019).

Рамочная конвенция ООН 1992 об изменении климата URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1116560> (дата обращения: 2 октября 2019).

References

Energy Security Doctrine of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation № 219 of 13 May 2019, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60516> (accessed: 2 October 2019).

Ivanter A., Kudiyarov S. (2017) Tales of the Paris Forest, *Expert*, №26 (1035) 26 June 2017. pp. 28–32, available at: <http://expert.ru/expert/2017/26/skazki-parizhskogo-lesa/> (accessed: 2 October 2019).

Osipov I. (2019) "Green as New Black. Why the fight with garbage became a global trend", available at: <https://www.rbc.ru/trends/green/5d6676f69a79474cfe0203d7> (accessed: 2 October 2019).

Evans S. (2019) "Value of global CO2 markets hit record 144 billion euros in 2018: report", available at: <https://www.reuters.com/article/us-global-carbontrading-report/value-of-global-co2-markets-hit-record-144-billion-euros-in-2018-report-id> (accessed: 2 October 2019).

De la Gorce N., Petkov M. (2019) "Green Finance: Modest 2018 Growth Masks Strong Market Fundamentals For 2019", available at: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/green-finance-modest-2018-growth-masks-strong-market-fundamentals-for-2019> (accessed: 2 October 2019).

Decision FCCC/CP/2018/L.16 Matters relating to Article 14 of the Paris Agreement and paragraphs 99–101 of decision 1/CP.21, available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/FCCC_CP_2018_L.16.pdf (accessed: 2 October 2019).

Hausfather Z. (2018) "Why the IPCC 1.5C report expanded the carbon budget", available at: <https://www.carbonbrief.org/analysis-why-the-ipcc-1-5c-report-expanded-the-carbon-budget> (accessed: 27 September 2019).

Höhne N., den Elzen M., Admiraal A. (2015) "Analysis beyond IPCC AR5: Net Phase Out of Global and Regional Greenhouse Gas Emissions and Reduction Implications for 2030 and 2050. The Agreement on Climate Transformation 2015", available at: <https://www.pbl.nl/sites/default/files/cms/publicaties/pbl-215-act-factsheet-net-phase-out-of-global-and-regional-ghg-emissions-and-reduction-implications-for-2030-and-2050.pdf> (accessed: 29 September 2019).

Hui L. (ed.) (2018) "German renewable energy subsidies reach record high", available at: http://xinhuanet.com/english/2018-02/14/c_136976154.htm (accessed: 2 October 2019).

Plumer B. (2018), "New U.N. Climate Report Says Put a High Price on Carbon", The New York Times, 8 October 2018, available at: <https://www.nytimes.com/2018/10/08/climate/carbon-tax-united-nations-report-nordhaus.html> (accessed: 2 October 2019).

Townsend M. and Harris P. (2004) Now the Pentagon tells Bush: climate change will destroy us, *The Observer*, 22 February 2004, available at: <https://www.theguardian.com/environment/2004/feb/22/usnews.theobserver> (accessed: 28 September 2019).

UN Framework Convention on Climate Change. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1116560> (accessed: 2 October 2019).

In the Spotlight at the World Debate: Climate Agenda Issues

Author: Roginko S., Candidate of Sciences (Economics), Head, Environment & Development Center, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Professor, Financial University of the Government of Russian Federation **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009 **E-mail:** roginko@bk.ru

Abstract. The article analyzes the trends emerging in the framework of the World Climate Agenda. The Genesis of the Climate Agenda is described, the degree of its relevance to the real climate problem is revealed. The author studies the regularity of the transition in global priorities from substantial environmental issues to the emphasis on virtual threats, which are hypothetical in nature, but formulated in the form of categorical imperatives of immediate action. The analysis reveals general functionality of the Climate Agenda from the point of view of ensuring the interests of the leading world powers. The political, economic and social potential of the Climate Agenda, its main beneficiaries, performers and ways of implementation in the world community are analyzed. Economic motives and basic financial schemes that support the interest of world players in the promotion of the Agenda are defined. Particular attention is paid to the risks arising under this agenda for the national sovereignty of countries and methods of erosion of this sovereignty at the global level, including the UN Paris Climate Agreement. Global climate constructions are evaluated from the viewpoint of the Energy Security Doctrine of the Russian Federation approved by the President of the Russian Federation.

Key words: Paris Agreement, UN Framework Convention on Climate Change, Kyoto Protocol, Energy Security Doctrine, Fuel & Energy Sector, carbon budget, global warming, alternative energy, greenhouse gas mitigation, carbon tax, Non-Government Organizations (NGOs).

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019127137>